

АГЕНТ

ДУЭЛЬ ДО ПЕРВОЙ СМЕРТИ

ТРИДЛЕР, НАПИСАННЫЙ ВОЕННЫМ РАЗВЕДЧИКОМ

Александр
ШУВАЛОВ

Агент ГРУ

Александр Шувалов
Дуэль до первой смерти

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шувалов А.

Дуэль до первой смерти / А. Шувалов — «Эксмо»,
2017 — (Агент ГРУ)

ISBN 978-5-699-94150-6

Еще совсем недавно военные разведчики Николай и Коля были друзьями. За их плечами десятки боевых операций, где им не было равных. Но вышло так, что после развала армии друзья пошли каждый своей дорогой. Николай устроился на работу инструктором службы безопасности крупного концерна. А Колю прельстил «легкий» хлеб киллера, благо боевого опыта матерому спецназовцу не занимать. И пошли валиться направо-налево «справедливо наказанные» бизнесмены и политики. Полиция сбилась с ног, пытаясь вычислить зарвавшегося убийцу... Но – клин клином вышибают. Кто лучше других знает повадки и приемы разведчика, как не его коллега по военному ремеслу. Николай бросает вызов бывшему напарнику, а это значит – дуэль до первой смерти.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94150-6

© Шувалов А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	5
Часть первая	10
Глава 1	16
Глава 2	18
Глава 3	20
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

АГЕНТ
ГРУ

Александр Шувалов

Дуэль до первой смерти

Пролог

Он перешел дорогу и, помахивая портфелем, приблизился к аккуратному четырехэтажному особнячку на Таганке. Миновав арку, зашагал к подъезду. Нажал кнопку домофона.

– Слушаю вас, – прозвучал низкий и до жути суровый голос. – Говорите.

– Моя фамилия Ямницкий, – со всей возможной вежливостью представился человек с портфелем. – Мне назначено на двенадцать тридцать.

– Ждите, – связь прервалась.

Через пару минут раздалось легкое жужжание и массивная, не кажушаяся таковой на первый взгляд дверь приотворилась. Посетитель вошел в подъезд, дверь неторопливо закрылась за ним. Проигнорировав лифт, он, ступая через две ступеньки, взбежал на третий этаж и остановился перед дверью с массивной латунной табличкой «Адвокатская контора Розенталь, Каменков и партнеры».

Повернул ручку и вошел вовнутрь. Расположившийся за столом в прихожей крупный, коротко стриженный, прекрасно откормленный детина внимательно осмотрел его и, видимо, остался доволен результатом.

– Господин Ямницкий? – профессионально сурово спросил он.

– Он самый, – посетитель кивнул головой и даже шаркнул ножкой.

– Имя и отчество?

– Михаил Давидович.

– Попрошу ваши документы. – Детина протянул ладонь размером со школьный учебник.

– Да-да, конечно, – подошел поближе, поставил портфель на стол и засунул правую руку во внутренний карман пиджака. – Ой, а это что? – вдруг спросил он и указал левой в сторону приемной.

– Где? – Купившийся на эту нехитрую уловку охранник повернул голову вправо и тут же заработал ребром ладони по шее. Вздрогнул, негромко икнул и сполз со стула на ковер.

– Наберут, понимаешь, по объявлению, – пробормотал таинственный посетитель, наклонился и нажал на кнопку на задней панели стола, блокируя входную дверь.

Болтавший с хорошенькой секретаршей второй охранник, почувствовав неладное, привстал со стула и быстро сунул руку под пиджак. Опоздал. Пистолет в руке посетителя негромко чихнул, охранника отбросило назад на стул, а оттуда на пол. Сморщив в испуге кукольное личико, девица открыла рот, собираясь закричать, но тоже не успела. Убийца вмиг

пересек приемную и щелкнул девушку по носу, да так, что рот у нее закрылся, зато глаза наполнились слезами.

– Тсс, тихо, – ласково проговорил он. Та послушно кивнула и впала в ступор.

Дверь в кабинет растворилась.

– Добрый день, любезный Лев Сергеевич. – Стройный мужчина, чуть выше среднего роста, вошел и закрыл за собой дверь. В темно-коричневом костюме от «Бриони», сорочке цвета слоновой кости и галстук с крупным узлом в тон и цвет. С заботливо уложенными в замысловатую прическу длинными темно-русыми волосами и аккуратной ухоженной бородкой. Постоял, давая хозяину кабинета полюбоваться собой, и плавно двинулся к нему, протягивая для приветствия руку.

– Позвольте, – пробормотал достопочтенный мэтр Каменков, – позвольте, мне же не доложили о вашем приходе... – но руку все-таки протянул.

Холеная адвокатская ладошка очутилась в капкане, юрист взвизгнул и с шумом впечатался лицом в столешницу собственного рабочего места. Короткий, но резкий удар в основание затылка напрочь лишил его всяческого сознания.

Якобы господин Ямницкий раскрыл портфель, достал оттуда моток тонкой веревки, скотч и принялся за дело. Кроме одного убитого, в офисе оставалось трое живых, которых требовалось как следует зафиксировать.

Он посмотрел на часы, достал из портфеля уже черный плащ и вратарскую маску. В самое ближайшее время ему предстояло еще немного пострелять. Если бы подобного рода сюжет показывали в кино, киллер обязательно приволок бы с собой навороченную снайперскую винтовку на сошках, со встроенным глушителем и мощной оптикой и еще зачем-то компьютер, телефон спутниковой связи и дельтаплан. Просто так, на всякий случай. Этому же ничего подобного не требовалось, из своего небольшого пистолета он без проблем попал дал навскидку с двадцати метров в игральную карту, превращая четверку в пятерку. Сейчас его ожидала работа с расстояния вдвое меньшего. Он покрутил влево-вправо головой, потряс руками, надел и застегнул на верхние пуговицы плащ. Натянул вратарскую маску и встал у окна.

Сначала к расположенному прямо под окнами офиса ресторану подъехал здоровенный внедорожник. Четверо крупных мужиков в темных костюмах, с торчащими из ушей витыми проводками сноровисто выгрузились из него и заняли позиции, достаточно грамотно контролируя подходы со всех сторон по горизонтали. Следом подкатил длинный темный лимузин, передняя правая дверца распахнулась, еще один персонаж в темном вылез наружу, внимательно осмотрелся, что-то произнес в микрофон на левом запястье и распахнул заднюю правую дверцу. Через некоторое время из салона показалась блестящая лакированная штиблета, затем светлая штанина и, наконец, сам клиент – невысокий пузатый мужичка, кудрявый и темноволосый, с аккуратной загорелой лысиной на макушке размером с кофейное блюдце. Охрана с похвальной быстротой взяла его в коробочку и...

Окно третьего этажа прямо над всеми ними вдруг бесшумно растворилось, некто в черном, перегнувшись через подоконник, всадил две пули прямо в макушку охраняемому, сбросил пистолет вниз и быстренько захлопнул окошко. Все началось и тут же закончилось.

Убийца снял плащ и маску и двинулся к выходу. В прихожей уже бился как рыба об лед пришедший в себя охранник, выгибался дугой и что-то мычал.

– И не говори... – разблокировал дверные замки и вышел. Поднялся на четвертый этаж, открыл электронным ключом дверь и оказался в многолюдном офисе, каком-то кадровом агентстве. Перешел по длинному коридору в другое крыло здания. Посвистывая, спустился по лестнице вниз и, выйдя из подъезда в торце дома, почему-то уже без бороды и длинных волос, прошел на территорию соседнего офисного комплекса, минуя будку охраны и шлаг-

баум. Неторопливо дошел до стоянки, погрузился в темно-синюю «Ауди». Достал из бардачка темные очки. Завел мотор, аккуратно пристегнулся, закурил и медленно тронулся.

Охранник в будке нажал на кнопку, шлагбаум поднялся. Человек в «Ауди» помахал служивому ручкой, приветливо улыбнулся и уехал.

* * *

Хозяин квартиры вернулся домой ближе к полуночи в раскрепасном настроении, и не один. С минуту из прихожей слышались звуки поцелуев и страстное мычание, потом девица, технично, как учили, застонав, начала сбрасывать с себя все немногое, что на ней было.

— Я в душ... — и зашлепала босыми ногами в сторону ванной.

К ее возвращению хозяин квартиры успел переодеться в кимоно с драконами да змеями и включить DVD-проигрыватель. Спальня наполнилась звуками страстного соития, немецкой речью: «Опа-опа, шнель-шнель, гут-гут...» и прочей милой романтикой. Девица сбросила с себя махровую простынку и томно расположилась на сексодроме размером с хоккейное поле.

— Схожу ополоснусь, — игриво заметил мужчина, наклонился и поцеловал девушку прямо в пупок. — Если хочешь, присоединяйся.

— Конечно, хочу, — ответила та, всеми силами стараясь не зевнуть. Если она чего и хотела, то как следует выспаться после вчерашнего. — Жди.

— Жди меня и я вернусь... — продекламировал герой-любовник, вышел из спальни, прошел по коридору и с улыбкой отворил дверь в ванную комнату.

Он так и умер, радостно улыбаясь. Появившийся как будто из воздуха одетый в темное человек прихватил его левой рукой под подбородок, слегка подбил и потянул на себя. А правой рукой всадил узкое и длинное лезвие ножа в почку жертве. При грамотном исполнении этого нехитрого приема потерявший равновесие человек сам насаживается на нож, избавляя убийцу от ненужных физических усилий. Так оно и вышло, персонаж в темном свое дело знал.

Аккуратно опустил тело на кафель, слегка поморщился и покачал головой. Убивать человека в ванной ножом, по его мнению, было так же пошло и нелепо, как колоть половыми признаками дрова. В ванной принято умирать якобы по неосторожности: наступать на кусок мыла, терять равновесие и биться, биться с размаху виском или основанием черепа о выступающие твердые предметы. Однако оплатившие заказ пожелали, чтобы смерть объекта наступила именно так. Клиент, как известно, всегда прав. Захочет, например, чтобы на скромном корпоративе в честь очередного распиленного куска бюджета «золотой голос России» исполнил «Мурку» вместо «Тальянки», — и, что вы думаете, исполнит в самом лучшем виде. Еще и спляшет на столе голышом за небольшие дополнительные деньги.

Закончив работу, убийца, бесшумно ступая, прошел к выходу, немного поколдовал у пульта сигнализации, потом открыл своими ключами дверь и вышел. Ими же и запер ее за собой.

А вот девушке, можно сказать, повезло. Молодая и красивая, безумно талантливая певичка из третьего состава всемирно (в пределах МКАД) известной группы, допустим «Поющие прокладки», вечером накануне отработывала званый вечер в одном приличном доме и закончила свой нелегкий труд ближе к полудню, так что поспать толком на следующий день не получилось. Чтобы немного взбодриться, решила было посмотреть порнуху, но то, что вытворяли на экране немецкоговорящие дяденьки и тетеньки, ее не возбудило, а вовсе даже наоборот. Все это и кое-что еще она с успехом освоила еще задолго до окончания средней школы. Через пару минут после начала просмотра девчушка начала зевать, а потом

просто отключилась. Проснулась уже ближе к утру... Открыв глаза, красавица с удивлением обнаружила, что спит совершенно одна.

– Милый... Где ты? – и отправилась в ванную, а заодно поискать милого, в смысле, спонсора, ну, в общем, милого спонсора.

И очень скоро нашла его, лежащего на мохнатом коврикe лицом вниз.

– Солнце, что с тобой? – наклонилась, увидела торчащую из спины рукоятку и тут же поняла, что такое с ним, со светилом, случилось. Томление внизу живота стало невыносимым, послышалось легкое журчание, по ногам потекло. Она вцепилась себе в волосы, широко раскрыла рот...

Неправда, что у поющих под «фанеру» молодых и красивых совсем нет голоса. От ее визга посдувало, к чертовой матери, с матрасов спящих мертвым сном в подвале трудолюбивых дворников из братского Таджикистана, и даже пробудился консьерж в дежурке на первом этаже.

* * *

Солнце еще толком не поднялось над верхушками высаженных по периметру участка голубых кремлевских елей, когда четверо здоровенных охранников вытащили из эллинга лодку и опустили в воду у причала, вставили в уключины весла и старательно закрепили, привязав канатиком к изящному, стилизованному под седую старину кнехту. Со стороны хозяйственных пристроек появился еще один персонаж с сумкой. Подошел к лодке и аккуратно поставил ее на дно.

– Где хозяин? – строго спросил он у одного из охранников.

– Сейчас подойдет.

– Лодку проверили?

– Как положено.

Старший смены достал из нагрудного кармана рацию:

– Порядок.

Парадные двери выстроенного в стиле помещицкой усадьбы позапрошлого века дома растворились, на крыльце показался приземистый мужчина средних лет с кружкой в руке. Критическим взором хозяина осмотрел окрестности, щурясь, глянул на солнышко и скупой улыбнулся: утро его явно не разочаровало. Поправил рыбацкую панаму с крючками, блестящими и прочими милыми сердцу принадлежностями и начал спускаться с крыльца. Владелец банков, заводов, нефтяных скважин, контрольного пакета одной конструктивно оппозиционной партии и просто хозяин жизни решительной походкой направился к собственной лодке, чтобы, отплыв на середину собственного озера, половить от души рыбки. Тоже, кстати, ему же принадлежавшей. Почтительно следующий в нескольких шагах за ним молодой человек тащил удочки, сачки и прочую прочесть, предназначение которой известно только заядлым рыболовам.

Сановного удильщика почтительно загрузили в плавсредство, лодку оттолкнули от пирса. Поплевав на ладони, тот взялся за весла и принялся грести. Добрался до заветного места на середине озера, бросил якорь и принялся возиться со снастью.

Между всеми этими событиями приключилось еще одно, невидимое постороннему взгляду, но сыгравшее, можно сказать, трагическую роль в последующем развитии данной истории. Когда лодку опустили в воду, находящийся под пирсом неизвестный в темном с разводами гидрокостюме типа старого советского УГК-3 извлек из поясной сумки круглую коробку размером с хорошую суповую тарелку, убрал с ее поверхности вощеную бумагу и аккуратно, но плотно приставил коробку к борту лодки, точно под скамеечкой для гребца. На

флоте их еще называют «банками». Несколько секунд подержал ее, затем отпустил. Нажал на кнопку на панели и опять спрятался под настилом пирса.

Когда лодка отчалила, он подождал немного, потом глянул на часы и, скрывшись под водой, быстренько поплыл в сторону металлической ограды у западной оконечности озера. В самое ближайшее время ожидалось яркие и запоминающиеся события, поэтому следовало поторопиться. Путь его движения не сопровождался пузырями воздуха, потому что неизвестный пользовался аппаратом с закрытой системой дыхания.

Удачно проскользнув между металлическими прутьями ограды (проход был заранее подготовлен), проплыл еще метров сто, обогнул заросший кустарником мысок и оказался вне поля зрения охраны усадьбы. Сбросил дыхательный аппарат, маску и ласты, подплыл к берегу и выполз из воды.

Рыбак снял с крючка довольно-таки приличного карася, наживил на крючок нового червяка, с удовольствием плюнул ему в морду (или на задницу, кто этих червяков разберет) и забросил леску в воду. В этот самый момент в нагрудном кармане куртки забилась, как акула в сети, личный телефон, по которому мог позвонить далеко не кто угодно, зато когда угодно. Он, чертыхнувшись, достал трубку, посмотрел в окошко дисплея: номер не определяется.

– Что?

– Как клев? – прозвучал совершенно незнакомый ему голос.

– Кто это?

– Неважно. – Недавний водолаз посмотрел на часы, время поджимало. – Хочешь знать, дурачок, кто тебя заказал?

– Что?

– Повторяю: хочешь знать, кто тебя, придурка, заказал?

– Кто? – разом охрипшим голосом спросил человек в лодке.

– А не скажу, – отключил трубку и забросил ее в глубокую, больше напоминающую пруд, лужу. Еще раз посмотрел на часы. И в этот момент рвануло, да еще как.

Остатки лодки и того, кто был в ней, разлетелись на добрых полторы сотни метров, столб воды вздыбился вверх, затем опал, и по озеру пошли волны. А потом все стихло, как будто ничего такого и не произошло. Только покачивалась на воде мелкая щепка да плавала кверху пузом разного размера рыбка, от почти полуметра до совсем крохотной. Душа любителя утренней рыбалки меж тем покинула ошметки тела и на всех парах отправилась на судебное заседание, персонально ей посвященное. Не в Басманный суд, заметьте, а в тот самый, суровый, справедливый и совершенно неподкупный...

Убийца разогнал мотоцикл, запрыгнул в седло и пошел накатом под гору. Когда аппарат немного набрал скорость, повернул ключ зажигания. Выехал на шоссе, прибавил газу и очень скоро догнал группу из четырех байкеров. Пристроился метрах в двадцати за ними, так и ехал до самой Москвы. Сами ребята на мотоциклах считали, что тот мужик на стареньком «Харлее» катит сам по себе, а со стороны казалось, что в группе не четыре лихих наездника, а целых пять.

Часть первая

Кавказ, вторая половина девяностых ушедшего века

Если кто-то вам скажет, что на войне, случается, выпивают, не вздумайте поверить. Наглые враки. Не выпивают там, а пьют, и еще как, хреначат, можно сказать, заливают внутрь организма дозы, бесконечно далекие от гомеопатических, причем не бургундского, как те мушкетеры из романа, а чего-нибудь покрепче, чтобы горело. И совершенно правильно делают, потому что иначе от всего этого паскудства можно просто свихнуться. Употребляют все: большие начальники, штабные умники и окопные командиры (удостоверившись предварительно, что подчиненный личный состав не нажрался) и, собственно, сам личный состав, убедившись, что командир все тщательно проверил и удалился к себе выпивать. А те, кто по роду службы обязан следить за всеобщей трезвостью, конечно же, следят, докладывают куда надо, а потом делают то же самое, что и остальные, только тихонько, желательно при закрытых дверях и под одеялом. Почему, спросите. Да потому что война.

– Пошли! – негромко скомандовал Бошту. – И запомните: лохов не калечить, только напугать и зафиксировать.

Двое бесшумно покинули автомобиль и растворились в темноте. Бошту зябко поежился, хотя в машине было тепло, и откинулся на сиденье. Поймал на себе взгляд многолетнего напарника Сулима и ответил на невысказанный этим угрюмым молчуном вопрос.

– Все нормально, через три минуты едем, – расстегнул куртку и принялся массировать грудь в районе сердца.

Все действительно нормально, более того, удача сама идет в руки. За эту операцию его щедро наградят, можно будет передохнуть, съездить навестить семью в Турцию и месяц-другой пожить спокойно. Своей собственной жизнью, а не того клоуна, которого уже второй год приходится изображать.

Хотя почему обязательно клоуна? По легенде, Бошту был достаточно уважаемым человеком, потому что владел небольшим, в меру уютным кафе в городке на границе с независимой Чечней, по странному стечению обстоятельств, располагавшемуся в какой-то сотне метров от штаба соединения федеральных войск. Находись это заведение где-нибудь на Страстном бульваре или в забытой богом и людьми деревеньке под названием Барвиха, его хозяина почтительно именовали бы ресторатором. Владельца общепитовской точки с лирическим названием «Огонек» называли Толстым Башу или просто Толстым, а порой и Жирным. Почему, спросите, так грубо и ни фига не женственно? Да потому, что какие клиенты, такие и манеры. Военные, как известно, народ грубый и суровый, излишками воспитания совершенно не обремененный. В заведении Толстого Башу они составляли абсолютное большинство посетителей, слетались туда каждый вечер, как те мотыльки на огонек. Случалось, что начинали «отдыхать» с самого утра, разное бывало. Гражданские, особенно лица той самой национальности, старались там не появляться, опасаясь, что кое-кто из подогретых спиртным воинов начнет наводить конституционный порядок прямо в распивочной, тоже, знаете ли, имели место случаи. Штабные, как известно, народ суровый и мужественный. Зато зажиточный, им-то «боевые» в отличие от всякой там окопной шелупони выплачиваются в полном объеме и без задержек...

Часов с семи вечера в «Огонек» обычно подтягивались первые постоянные посетители из числа защитников Отечества. К девяти там становилось по-настоящему весело. Военные пили, курили, болтали и закусывали одновременно. По узким проходам между столи-

ками носились с неподъемными подносами официанты, чеченец Васа и кумык Айдамир, сам Бошту ударно трудился за барной стойкой, хмурый здоровяк Сулим находился на подхвате. При необходимости он же помогал уставшим военнослужащим перегрузить тело еще более утомленного товарища в машину для эвакуации на ночлег.

Часам к одиннадцати, когда в заведении становилось по-настоящему темно, хозяина выдергивали из-за стойки, усаживали за стол и приказывали выпить. Тот послушно садился, со вздохом брал в руки пластиковый стаканчик (других в заведении не держали), боязливо оглядывался по сторонам и неловко заглатывал содержимое. После второй дозы на него нападало безудержное веселье, а после третьей он просто-напросто впадал в состояние сидячего алкогольного нокдауна: моргал глазами, глупо улыбался и отвечал невпопад. Безумно потешая своим видом присутствующих. Людям вообще очень нравится общение с теми, кто глупее или смешнее их самих. Это, знаете ли, как-то возвышает и вызывает прилив самоуважения. Полагаю, господа военные изрядно удивились бы, случись им узнать, что по-русски Бошту говорил гораздо лучше их всех, потому что в свое время окончил филфак МГУ (а они – нет). Да и водочки при необходимости или желании мог заглотнуть будь здоров, насобачился, грубо говоря, за годы студенчества и последующие восемь лет жизни в Москве. Только никто об этом так и не узнал.

Когда последний из посетителей покидал заведение, опираясь на надежные плечи предпоследних, у хозяина «Огонька» начинался самый настоящий аврал. Для начала он кратко, безграмотно и не по делу расписывал увиденное и услышанное за вечер особисту, у которого состоял на связи под элегантным псевдонимом Бонасье. Потом прослушивал записи разговоров, не все, конечно, на это просто не хватило бы времени, только самое интересное. Как известно, военные всех стран мира по пьянке просто-таки обожают поговорить о работе. Это на работе и по трезвой они болтают о всякой чепухе: футболе, бабках, бабах и политике. Из всего этого потока пьяного трепа предстояло выудить все, имеющее ценность, сравнить с ранее услышанным и отшелушить откровенный бред и чепуху. Та еще работенка для тех, кто понимает. Бошту толк во всем этом очень даже понимал, недаром же его так ценил Сириец.

Этот удивительно скромный, не любящий лишнего шума вокруг собственной персоны человек появился на Кавказе года за три до описываемых событий. Откуда? А черт его знает. Поговаривали, что до того как встать на путь борьбы с неверными, он занимал немалый пост в разведке своей страны, может, Сирии или еще какой. Никто, сами понимаете, не спрашивал.

Кем бы ни был этот Сириец в прошлой жизни, здесь он работал лихо, а еще он умел предугадывать ходы противника, как будто кто-то ему нашептывал на ухо. По мнению Бошту, секрет состоял в том, что сам Сириец когда-то учился в Союзе, может быть, даже в одном учебном заведении кое с кем из его нынешних противников. О своих догадках он, естественно, не распространялся, на Востоке болтать попусту не принято. И потом, он просто-напросто боялся Сирийца. До колик в животе. Не самый трусливый, даже по здешним меркам человек, толстячок Бошту каждый раз после встречи с ним принимал успокоительное или потихоньку «накатывал» граммов двести «беленькой», чтобы успокоить бренчащие нервы. Потому что давно уже понял, что под личиной добродушной учтивости скрывается самый настоящий хищник. Гораздо более опасный, чем любой из тех, с кем доводилось встречаться за все годы войны.

Первый из этих лохов появился в его кафе месяц назад, второй – двумя неделями позже. Поначалу Бошту сам не поверил в удачу, проверил кое-что по своим каналам и даже попросил помощи у Сирийца. Сошлось – и тот, и другой, помощник шифровальщика штаба и начальник секретной части оперативного отдела действительно были теми, кем казались, то есть классическими идиотами из скверного анекдота и самыми настоящими лошарами.

Над ними издевался весь штаб, а они этого даже не понимали. Сами себе они, свежесвылупившийся из учебки прапор и старший сержант-контрактник, явно казались крутыми парнями из убойного штатовского боевика. Здорово, надо признаться, смотрелись, первый раз увидав этих красавцев, Бошту едва сдержал улыбку, а Васа с Айдамиром не смогли и ускакали в подсобку ржать. Ушитая с дешевым дембельским шиком форма со складками вдоль, поперек и наискосок, браслеты, естественно с выгравированной группой крови, перстеньки из нержавейки, кинжалы на боку, сувенирные пули на ремешке на шее. Сразу стало понятно, что перед выездом в командировку ребята как по судьбе пробежались по сувенирным лавкам на вокзале. И конечно же, военные до упора стрижки, благодаря чему голова у одного формой удивительно напоминала кирпич, а у второго – куб. Для завершения картины не хватало только плаката «БЫЛ В ЧЕЧНЕ, МОЧИЛ В СОРТИРЕ»... хотя бы одного на двоих. Впрочем, водные процедуры в местах общественного пользования войдут в моду чуть позже, когда закончится век и сменится вождь.

Бошту присмотрелся, подумал, еще раз присмотрелся и доложил Сирийцу. «Подружиться», – приказал тот, и это оказалось проще простого. Дело в том, что общались эти двое исключительно друг с другом, больше желающих водить с ними компанию не находилось. Толстяк включил обаяние, глупые русские потянулись к нему, как слепые котята к кошечке-маме.

В тот вечер он пообещал свозить их к девкам. («Очень хорошие девушки и совсем недорого...») Сексуально озабоченным воинам назначили встречу в тихом переулке в половине первого ночи. Эти дурни заявили минут на десять раньше, тут же принялись радостно ржать в предвкушении...

– Пошли! – негромко скомандовал Бошту. Васа с Айдамиром, невысокие, щуплые с виду парни, бесшумно покинули «Газель» и растворились в темноте.

Дальше все должно было быть, как говорится в спортивных репортажах, исключительно делом техники. А ее у бойцов Бошту было вполне достаточно. И опыта тоже хватало. Безобидные и невзрачные с виду, и тот, и другой начали воевать раньше, чем бриться, а потому вдвоем стоили в бою чуть ли не взвода сопляков с российских окраин, пригнанных на Кавказ как те бараны на убой.

Он взглянул на часы: пора. Эти двое клоунов наверняка уже валяются в грязи с завернутыми за спину, связанными лапами и тихо повизгивают от боли и страха.

– Едем! – Машина тронулась.

Все будет хорошо, очень хорошо. Сейчас этих лохов загрузят в машину и отвезут на окраину города, на улицу имени Павлика Морозова, где их уже второй день дожидается Сириец. Что он с ними будет делать? Ничего плохого, сначала просто поговорят, причем достаточно жестко. Может, даже покажут короткий фильм о том, что происходит с врагами независимой Ичкерии. Потом, когда эти двое изойдут соплями, их пожалеют, успокоят, угостят чаем или, может, даже водочкой. А еще им дадут денег, не так уж и мало денег. Правда, при получении их придется написать расписку с указанием, кем, когда и за что выдана эта сумма. Деньги, кстати, придется отработать, а заодно и немного поумнеть. Насчет этого можно не беспокоиться, руководить агентурой Сириец умеет. Кстати, не забыть бы на обратном пути остановиться у развалившегося дома по соседству с кафе, забросить в условленное место ржавую консервную банку с донесением для особиста. Иногда Бошту позволял себе развлечься и понаблюдать через окошко кафе, как тот заскакивает в развалины за донесением. Не забывая, конспиратор хренов, каждый раз метров за десять до подхода к месту начинать расстегивать ширинку – приспичило, дескать.

Так что волноваться не о чем. Тогда почему, черт возьми, так ноет сердце? Машина заехала в переулок. Увиденное удивило: эти двое, вместо того чтобы валяться в грязи мордами вниз, преспокойно беседовали и курили, не вынимая рук из карманов камуфляжных

курток, Васы и Айдамира в переулке не было, по крайней мере, не было видно. Увидав машину, рванулись к ней и затормозили в нескольких шагах. Заорали вразнобой каждый свое:

– Че так долго, Толстый? – «предъявил» воин с квадратной башкой.

– К девкам-то едем или как? – любопытствовал второй. И тут Бошту все понял.

– Ах, шайтан! – взвизгнул он, с неожиданным проворством ухватил пистолет в кобуре и почти успел его вытащить.

Сулим въехал в ситуацию чуть позже, но сказала многолетняя выучка, поэтому он успел достать свой «ТТ» из-под ремня.

И все равно оба они опоздали, потому что те, кого они так искренне считали лохами, оказались кем угодно, только не ими. Они открыли стрельбу первыми, даже не доставая стволы из карманов. Впрочем, на точности это никак не сказалось. Сулим получил одну-единственную пулю между глаз и навсегда выпал из данного повествования, а заодно и из жизни. Бошту прострелили оба плеча, и на некоторое время он потерял от боли сознание.

Пришел в себя от того, что его лупят по щекам. Не со всей возможной дурью, но и не особо-то и сдерживаясь. Раскрыл глаза, посмотрел влево-вправо и, наконец, на себя. Пока он находился по ту сторону сознания, эти двое успели куда-то деть Сулима, а самого Бошту перетащить из кабины в салон, довольно-таки умело перевязать и даже вколоть обезболивающее.

– Ну что, очухался? – спросил наклонившийся над ним. – Или еще разок добавить? – и от души размахнулся.

– Очнулся, – тихо проговорил Бошту и вдруг усмехнулся. – Представляете, – вдруг проговорил он, – какая жесьть, только что собрался человек съездить в Кисловодск, – его акцент куда-то пропал, зато появился московский говорок... – Пустяковое, казалось бы, дело...

– Но и этого совершить не может, – отозвался «контрактник», – так как неизвестно почему вдруг возьмет поскользнется и попадет под трамвай, – и, обращаясь к напарнику, продолжил: – Вот ведь как бывает, коллега. Человек получил две пули в организм, отрубился, а когда пришел в себя, стал лучше нас с вами говорить на нашем же языке и бойко цитировать Булгакова. Чудеса, да и только!

– Подумаешь, бином Ньютона, – усмехнулся тот. – Булгакова он цитирует. Да наш друг, если хочешь знать, «Слово о полку Игореве» помнит лучше, чем ты дисциплинарный устав. На филфаке МГУ дипломы первым встречным не раздавали.

– Красные, – уточнил его собеседник.

– Именно, – согласился «прапор». – Ну что, дружок, – он тихонько потрепал Бошту по щеке, – как говорится, сдавайте валюту! Ночь на дворе, пора ехать.

– Куда? – хриплым голосом спросил пленник.

– Куда-куда, к Сирийцу, не к девкам же, – и деловито любопытствовал: – Так все расскажешь или желаешь помучиться?

До мучительства дело не дошло, потому что Бошту форменным образом «потек». И сломало его даже не то, с какой ловкостью эти двое управлялись с оружием, а то, что эти боевые киборги, оказывается, умели читать и брали в руки не только «Спид-Инфо». А еще то, как лихо они водили за нос его самого и весь штаб соединения в придачу. В общем, процесс пошел поначалу, естественно, вяло, но потом все наладилось.

Группа спецназа выдвинулась на окраину города и незаметно для посторонних глаз блокировала невзрачный домишко по улице имени Павлика Морозова.

– Чего ждем, Бегемот? – тихонько спросил командира невысокий худощавый мужик, которого тот называл Боксером, а все остальные бойцы группы – исключительно дядей Володей.

Абсолютно, между прочим, на то время гражданский человек, всего-навсего отставной капитан, выпнутый в начале девяностых из армии без пенсии и добрых слов вдогонку. Проходящий сборы офицеров запаса исключительно вместе с бывшим командиром и по его просьбе.

– Там везде датчики, Боксер, – отозвался тот. – Просто так не войдем, придется подождать.

– Чего, интересно? – лениво полюбопытствовал тот.

– Не чего, а кого... – прижал ладонь к уху, поправляя наушник. – Да.

– Командир, это Тихий... – прошелестело в ухе. – Двое идут в нашу сторону, оба в форме и совсем бухие. Перехватить?

– И не думай.

– Понял.

– Ну, вот, Вова... – Командир группы подполковник Волков зябко повел плечами... – Ты спрашивал, чего мы ждем. Смотри и слушай.

Ка-а-амбат батяня, батяня ка-амбат
Ты сердце не прятал за спины ребят...
Летят самолеты и танки горят!..

...Двое в камуфлированной форме, трогательно поддерживая, вернее, цепляясь друг за друга, прошли в десятке метров от того места, где залегли Бегемот с Боксером. Никого и ничего, конечно же, не заметив. Военным было очень хорошо, поэтому они пели негромко, как им самим казалось, зато с большим чувством. К вокалу вскоре подключились собаки во дворах, кое-где в окнах зажегся свет.

Волков тихонько хмыкнул.

– Ты что?

– Здорово горланят, как тот мужик в Средней Азии, помнишь? Думаю, даже громче.

– Ну, их же двое.

– Точно, – постучал ногтем по микрофону, – приготовиться, работаем по команде.

Парочка подошла к тому самому дому и остановилась у ворот. Один из исполнителей заботливо прислонил товарища к забору (тот бессильно сполз по нему на землю), разбежался и со всей дури приложился пудовым армейским башмаком к железным воротам, а потом заорал дурным голосом, как может голосить только в три доски ужравшийся россиянин:

– Алле, гараж! Есть живые? Сорок пять секунд па-а-адьем!

И невдомек ему было, пьяному дураку, что его собственная и собутыльника жизни не стоили в тот момент и рубля в пересчете на демократические цены середины девяностых. Оба уже давно были бы трупами, если... Правильно, если не перебудили бы своими песнями и плясками половину улицы. Правильно говорят, что дуракам и пьяницам везет, хотя любому везению рано или поздно приходит конец.

Дежуривший во дворе джигит перекинулся парой фраз с напарником, прислонил автомат к стене, открыл калитку и вышел наружу, держа руку с ножом за спиной.

– Тебе чего, брат? – ласково спросил он, глядя на собеседника сверху вниз, потому что был его почти на голову выше.

– Не брат ты мне... – сурово отозвался тот, громко икнул, пошатнулся и взялся рукой за стену.

Джигит повел носом: так и есть, от незваных гостей разило водкой, как будто они не только отведали ее как минимум по ведру, но и прополоскали в ней форму.

– Девки есть? – сурово спросил воин. Изнутри дома что-то прокричали.

– Слышь, нерусский, – опять пошатнулся... – Я possu, а ты ему, – он указал на лежащего, – помоги... – и принялся возиться в ширинке.

Наружу вышел еще один человек, чуть мельче напарника, но все равно гораздо массивнее каждого из гостей.

– Начали! – скомандовал Волков, и действительно началось.

Тут же, к слову сказать, и закончилось. Оба стража у ворот покинули этот прекрасный мир, даже не успев удивиться скорости произошедшего. Охрану Сирийца перебили, а его самого захватили вполне живым, только слегка поцарапанным.

В Москву группа Волкова и эти двое из ларца возвращались одним бортом, в полете и познакомились.

Бошту сильно повезло, он сначала попал в больницу, а уже потом за него взялись местные компетентные органы. Очень скоро и очень незабесплатно он был переведен из разряда обвиняемых в свидетели, а потом и вовсе вышел на свободу, продал за копейки свой «Огонек» и съехал из города. Военнослужащие по этому поводу сильно огорчились, но скорбь их была недолгой, через какие-то полмесяца точка опять заработала, правда, теперь она именовалась «Арлекин».

Через три месяца после этого два молодых лейтенанта получили первые в своей жизни награды, по ордену Мужества каждый. Им потом еще и по бокалу шампанского налили. Вышли на Красную площадь, сфотографировались на память, после чего мужественно двинулись пить водку.

Еще через пару месяцев после этого Россия вернула Сирийца на его историческую родину, по ее, родине, настоятельной просьбе. Там с ним немного поработали, а как-то вечером просто-напросто без лишней юридической казуистики удавили шнурком в камере.

Везение Бошту было не очень долгим. После выхода на волю он слегка отдохнул с семьей, после чего вернулся в Россию. Работать на Кавказе лично для него стало небезопасно, поэтому его направили в Москву. Через неделю после приезда он с аппетитом пообедал в ресторане, щедро расплатился по счету и двинулся к выходу. Услужливый швейцар распахнул перед ним дверь, тот шагнул на улицу. И тут увидел его, того самого с квадратной головой. Человек, не так давно вогнавший его в полный ужас, стоял спиной к выходу, держа руки в карманах камуфлированной куртки, как тогда, в переулке. Бошту побледнел, схватился за сердце и грохнулся на зеленый коврик у выхода лицом вниз. Инфаркт, прохвативший его, был так силен, что он умер еще до того, как тело коснулось земли.

Невольный виновник его смерти, приехавший в столицу на заработки дембель из Брянска, ничего этого не увидел. Зажегся зеленый свет на светофоре, он опасливо шагнул на «зебру», перешел дорогу и двинул дальше по своим делам. Такая вот история.

Глава 1

Убийца

Эти трое мне с самого начала активно не понравились. Казалось бы, что такого: собрались с утра пораньше давние соседи и привычные собутыльники, скинулись, закупили ноль-пять водочки, двухлитровый баллон пива и присели, двое на скамеечке и один на корточках перед ней, отметить привычный русский праздник, первую среду на этой неделе. Освоили половину емкости с сорокаградусной, слегка залакировали это дело пивком, как водится, закурили и завели разговор о наболевшем: высокой моде и внешней политике Гондураса. Громко и с легким матерком, как и положено на Руси. А я вот взял, да и во всю эту оперетту на свежем воздухе не поверил. Уж больно неестественно смотрелись эти широкоплечие любители начать день с «беленькой» под пивко и ни на что больше до самой ночи не отвлекаться. Для обычной пьяни у них были слишком мощные шеи, набитые костяшки пальцев и румяные щечки. Да и потом, тот, что сидел на корточках, совершенно не был к этому привычен, а потому постоянно ерзал, перенося вес тела с одной ноги на другую. Ко всему прочему, двое из этой троицы, по всему видно, не испытывали особой любви к никотину, поэтому запускали в организмы дым и выдыхали его наружу без всякого удовольствия, скорее даже наоборот. А еще им все-таки следовало надеть куртки на пару размеров побольше, чтобы не так выделялись стволы под ними.

У помойки возился еще один, наряженный бомжом клоун. Двумя пальчиками с отвращением перебирал какие-то тряпки, объедки и обрывки бумаги. Дергал головой и что-то бормотал, обращаясь к собственной левой руке, где у него крепился микрофон.

Кто еще? Крупный плечистый мужик увлеченно читал, не поверите, книгу на лавочке возле клумбы, и еще один, тоже очень нехилый организм, развалился напротив него, откинувшись на спинку, и, сощурившись, грелся на солнышке, хотя оно уже минут десять как спряталось за тучами. Свернутая в трубочку газета валялась рядом.

Прекрасно, а где же транспорт? А вот и он: микроавтобус с затемненными стеклами между третьим и четвертым подъездом и «Жигули» девятой модели возле помойки. Стоят себе, почти упираясь бампером в торчащую из контейнера задницу «бомжа», никого не трогают, а из приоткрытых окошек валит дым.

Короче, классическая ментовская засада, не такая уж, если не придирается к мелочам, и бездарная. По крайней мере, номера на привлеченном для этого подвига транспорте не были синего цвета, и ни на одном из действующих лиц я даже не заметил ни серых форменных брюк с лампасами, ни шинелей. Говорю же, неплохо все устроили, и народу подогнали немало, и роли хоть как-то распределили, и связь организовали. Такие засады, как правило, срабатывают, если ставят их против всяких там Федек Рваных да Васек Кривых, перманентно пьяных или обдолбанных. Народ поопытнее на весь этот цирк с дрессированными хомячками так просто не купится. И я, конечно, на это тоже не поведусь.

Дело в том, что все эти «алкаши», «бомж» на помойке и все остальные собрались здесь и сейчас с одной-единственной целью: захватить живьем или в крайнем случае прикончить злодея, то есть персонально меня. В микроавтобусе, судя по просевшему кузову, не меньше восьми крупных мужиков. Плюс двое-трое в «Жигулях», плюс еще шестеро, плюс...

Я осторожно выглянул из-за занавески: так и есть, снайпер на чердаке вплотную прилегающего соседнего дома в сине-серой камуфляжной форме и в прикрывающей лицо маске. Немного подкрутил колесико на корпусе крохотного, но сильного бинокля, изображение приблизилось, казалось, можно было протянуть руку и щелкнуть его по носу. Как будто почувствовав, что на него смотрят, стрелок часто-часто заморгал и принялся переговариваться с кем-то по рации.

Вот, значит, как. Получается, нашей доблестной милиции стало известно, где находится лежка одного достаточно удачливого киллера, то есть меня. Каким таким, спросите, образом? Элементарно, Ватсон, меня просто слили, и я даже знаю, кто это сделал. Рано или поздно это должно было случиться, просто не ожидал, что все произойдет именно сейчас. Хорошо хоть они не знают номера моей квартиры, хотя это дело времени. Уезжать эти ребята явно не собираются, очень скоро подтянется подкрепление и начнется поквартирная проверка, вот тогда-то я и окажусь в западне. Именно поэтому придется выходить наружу, где меня очень ждут. Не удивлюсь даже, если у них есть мое фото.

Если я попытаюсь смыться через арку, непременно столкнусь с липовыми пьянчугами в количестве аж трех единиц и со стволами. Если пойду через двор, меня постараются перехватить двое здоровяков и «бомж». Пока я буду возиться со всеми ними, подоспеет группа захвата из микроавтобуса, да и снайпер, не сомневаюсь, сработает как надо и обязательно постарается меня продырявить. В общем, деваться мне просто некуда, самое время выйти и сдаться или просто взять да и застрелиться.

Если они так думают, то серьезно ошибаются. Эти парни сильно напоминают мне деревенских мужичков, решивших половить старенькой сетью мелкой рыбки на закуску и совершенно не ожидающих, что в родной речке-вонючке вместо нее окажется акула или даже крокодил. Когда-то вместе с напарником, коллегой, как я его называл, нам доводилось преодолевать засады и посерьезнее. А ставили их очень даже умелые, подготовленные государством ребята, один черт, никто из них взять нас не сумел. Не так уж и давно все это было. Так что и этим ничего не светит, даже если за домами у них спрятан вертолет, а в пруду возле метро затаилась подводная лодка. Хрен вы меня, братцы, сцапаете. Для того чтобы уйти, мне даже не потребуется устраивать здесь стрельбу с мордобоем, бегать по крышам и порхать, подобно птице воробей, над помойками. Я покину вас как в сказке, и вы даже ничего не поймете. Кстати, о сказках, там, помнится, герои обожают летать на ковре-самолете и шляться в шапках-невидимках. С ковром у меня, правда, напряженка, зато шапка в наличии. Я взял со стола головной убор и бодро зашагал к выходу.

Глава 2

Правильный коп, поэтому – мент

Гена Мякишев докурил черт знает какую по счету сигарету и отправил окурки в окно. С надрылом зевнул и потянулся. Посмотрел на часы.

– Между прочим, уже половина одиннадцатого.

– Минут через пятнадцать должен выйти, – тихонько сказал Миша Лоскутов. Он вообще всегда говорил очень тихо. – В двенадцать у него по плану встреча с клиентом.

– Значит, скоро выйдет, – уверенно молвил начальник и, вдруг повернувшись ко мне, спросил: – Ты-то чем недоволен?

– Да так... – спорить совершенно не хотелось. Как говорится, не время и не место. Вдруг этот парень действительно возьмет да и спустится во двор? Хотя я, признаться, серьезно в этом сомневался.

За два предыдущих месяца этот киллер, как нам стало известно, не только сподобился уложить троих достаточно серьезных и известных в Москве людей, но и совершенно при этом не наследить. Начальник убойного отдела, мой непосредственный шеф, подполковник Мякишев считал, что все дело в простом везении.

– Мужик конкретно прет, – заявил он. – Так бывает, но потом фарт заканчивается.

– А вдруг он просто...

– ...невидимка, – подсказал Лоскутов и ехидненько хихикнул.

– Почему невидимка, может, просто работает приличного уровня профессионал?

– Точно, – охотно согласился Мишаня. – Бонд, Джеймс Бонд, – и опять захихикал.

– А если сделать запрос в спецслужбы? – вдруг взял да завелся. – Уверен...

– Ша! – Начальник хлопнул ладонью по столу, демократия закончилась. – Никого и ни о чем мы спрашивать не будем, просто возьмем его и все. А ты, – он повернулся ко мне, – прекращай читать на ночь сказки.

– И все-таки...

– Баста. – На сей раз он треснул по столу кулаком. – Я сказал.

Бойкий мужик, мой шеф, если приглядеться, даже немного похож на сыгранного Высоцким персонажа в известном сериале, постоянно об этом помнит и не дает забыть окружающим. Этакий опер от бога, резкий, хваткий, самую малость прибалтанный, строгий, но всегда по-своему справедливый. Легко находит общий язык с «контингентом», держит в железном кулаке отдел, состоит в серьезном авторитете у начальства и регулярно пьет водку с важными чинами из министерства. Поговаривают, что и его в недалеком будущем ожидает кресло в хорошем кабинете на Житной. Задержание такого серьезного киллера наверняка позволит въехать туда на белом коне и под звуки духового оркестра.

– И вообще, – Мишаня перегнулся через стол и ласково, но сильно хлопнул меня по спине, – будь проще, Сержик, и люди сразу же к тебе потянутся.

– Точно, – согласился шеф, закрывая тему.

Я послушно заткнулся, спустился на землю и тут же стал простым, как амeba. Еще три месяца назад я топтал асфальт в районной уловке и был, что называется, человеком на своем месте. А потом, исключительно из врожденной любознательности, вдруг взял да и проверил как следует сигнал от жильцов с соседней улицы. До того как выйти на меня, бдительные пенсионеры с месяц донимали своими подозрениями участкового, но без толку. Того, майора сорока двух лет от роду, такая мелочь, мягко говоря, не очень интересовала. Он вообще был человеком очень и очень занятым, стриг «капусту», решал вопросы и крышевал мутные фирмы собственной законной супруги.

Я сходил в адрес, присмотрелся к обстановке, немного подежурил у подъезда, а потом взял отпуск и занялся той самой квартирой всерьез. Результат, честно говоря, удивил и меня самого: в обычной московской «трешке» какие-то очень серьезные дяди готовили террористок-смертниц. Всех их потом и побрали разом. Сам я узнал о той операции из теленовостей, потому что дело на определенной стадии передали ФСБ. Начальник нашего отдела получил за это орден, после чего оказался на пенсии, мой непосредственный шеф огреб благодарность лично от министра и сам стал начальником отдела. Обо мне тоже не забыли: присвоили досрочно капитана и перевели в убойный отдел управы на свободную должность старшего опера. Поначалу я, дурак, даже обрадовался, но очень скоро пожалел о том, что с меня не сняли одну звездочку и не оставили на прежнем месте. Вернее, мне очень скоро это дали понять.

Дверь второго подъезда распахнулась, я встрепенулся.

– Успокойся, – хмыкнул Гена, – ложная тревога.

– Уверен?

– Если говорю, – с раздражением бросил он, – значит, уверен. Этот перец с Петровки... – схватил рацию: – Всем спокойно.

Из подъезда вразвалку, никуда не торопясь, вышел самый настоящий товарищ полковник полиции. Не «эй, полковник» и даже не «полковник», а именно товарищ полковник. В расстегнутом мундире генеральского сукна, фуражке на затылке, вальняжный и до упора в себе уверенный. Красномордый, пузатый, с моржовыми усами. Секунду-другую постоял в дверях, потом достал из кармана дорожную трубку (на запястье блеснули часики на порядок дороже лоскутовского «Ролекса») и принялся с кем-то беседовать, вернее, орать на весь двор.

– Нуприенко, ты кого лечишь, мать твою?! – прошествовал мимо троих ребят у подъезда и направился в сторону арки. Те даже не дернулись. – Я ...кому приказал закончить сегодня к десяти и доложить? Что? А вот это уже твои трудности, дружок. Значит, так, сегодня же, немедленно... – и скрылся в арке.

Вот уж действительно самый настоящий перец, серьезный мужчина, а не какой-нибудь ряженный. И мундир на нем, хоть и достаточно новый, но уже принявший форму откормленной туши, и щегольские неформенные полуботиночки явно разношены по ноге, и повадки, и все такое. Я вздохнул и потянулся к дверце, сам не понимая, за каким чертом это делаю.

– Куда? – опешил Мишаня. – Серега, ты чего?

– Просто схожу, проверю документы, – молвил я и высунул ногу наружу.

– Пусть сходит, – успокоил приятеля шеф. – Потом расскажешь, молодой, как все прошло, – и откровенно заржал мне во след.

Вроде он и шел не быстро, а догнал я его только в переулке возле магазина. Полковник нажал на кнопку пульта, скромная, явно не по чину, серенькая «Нексия» пискнула и мигнула огоньками.

– Товарищ полковник, – проговорил я и полез в нагрудный карман рубашки за удостоверением.

Он неторопливо обернулся.

– Ну, чего тебе, щегол? – весело спросил он и, как-то незаметно переместившись, оказался совсем рядом со мной.

Я взглянул в его смеющиеся глаза, рука сама собой нырнула вниз и цепко ухватила рукоять табельного «макара». Это было все, что я успел сделать.

Глава 3

Убийца

Пинком, как и положено невидимке, я распахнул дверь и вышел из подъезда. Остановился и постоял немного, покачиваясь с пятки на носок, чтобы сидящие в засаде как следует меня рассмотрели. Впрочем, в тот момент это был не совсем я, вернее, не я, а один достаточно немелкий чин с Петровки.

Когда-то, еще в начале прошлой жизни, мне довелось отучиться в одном достаточно закрытом заведении без вывески, в которое не принимали абитуриентов с улицы и не сдавали никаких вступительных экзаменов. Зато здорово отсеивали в процессе самого обучения. Помнится, к выпуску из восемнадцати лбов нас осталось ровно семь.

— Запомните, благородные доны, — любил говаривать один из преподавателей, обучавший нас искусству перевоплощения. Не знаю, правда ли это, но поговаривали, что он был самым настоящим притворщиком с очень неслабым послужным списком. — Запомните и постарайтесь не забыть, не стоит изобретать велосипед, пытаюсь перевоплотиться. Просто погуляйте, посмотрите по сторонам и попытайтесь найти прототип.

Я так и поступил, пошлялся возле тридцать восьмого дома по улице Петровка и нашел то, что искал, точнее кого. Наглый, раскормленный до размеров хряка полковник в форме из сукна не по чину. Важный и загадочный, как все лентяи и бездельники, отъявленный хам, как все блатные, словом, колоритный и легко запоминающийся тип.

Сдвинул фуражку на затылок, полез было за сигаретами, но передумал, потому что ни разу не видел, чтобы прототип курил.

Но, господа, как хочется стреляться
Среди березок средней полосы...

Известил общественность сочный до жирности баритон из растворенного окошка. В проеме показалась изрядно нетрезвая харя любителя белогвардейских романсов. Не знаю, как насчет стреляться, но выпивать под них очень даже недурно. Я поднял голову и обласкал ухаля добрым, очень специфическим взглядом. Окошко тут же захлопнулось, пение смолкло.

В кармане якобы зазвонил телефон, я схватил трубку и тут же принялся кого-то душевно воспитывать. Все, вот теперь можно смело идти. Не сомневаюсь, что засадой руководит достаточно взрослый человек, не раз и не два посещавший разного рода серьезные конторы по профилю в Москве, Петровку тридцать восемь в том числе. Значит, и того самого полковника он тоже должен был встретить и запомнить.

Слегка подрагивая накладным пивным животиком, я вразвалку двинулся к выходу со двора, мелко, как все толстяки, переступая ступнями в блестящих неформенных штиблетах. Миновал «алкашей» (те потупили глазки и застыли), заботливо поправил усы, свернул направо и оказался в арке. Важно протопал через нее, вышел на улицу, немного прибавил шагу и тут же свернул в переулок, где возле магазина была припаркована моя машина.

Ну, вот и все, а ты боялась... Впрочем, никто и не боялся, по крайней мере лично я. Ни секунды не сомневался, что все прокатит в лучшем виде. Еще не из таких мест доводилось выходить в прошлом, да и заходить тоже кое-куда получалось. Несколько лет назад мы с коллегой и напарником таким вот макаром вполне нормально проникли в одну достаточно серьезную контору в заштатном городишке под названием Брюссель. Один человек скачал информацию на флешку, но побоялся ее вынести, а потому оставил в тайнике на территории самой конторы. Так вот, вошли, забрали закладку и вышли, правда, для этого нам не

пришлось наряжаться полковниками МВД, вполне сошли голубовато-белые комбинезоны работников сети химчисток Clean & Wash. Не так все оказалось тогда просто, но сработали, хотя едва не поседели оба от переживаний.

А эти пацаны... Стоп, а это кто? Надо же, признаться, не ожидал: из арки выскочил парень в джинсах и серой ветровке, оглянулся по сторонам и на всех парах рванул ко мне. Ну вот, а говорят, что нынешние менты, в смысле, копы уже ни на что не способны, кроме как рубить бабки. Оказывается, и среди них можно встретить толковых ребят.

– Товарищ полковник. – Он очутился рядом как раз в тот момент, когда я собрался садиться в машину. Подбежал и сунул руку в нагрудный карман рубашки. Явно собрался представиться мне по всей форме.

– Ну, чего тебе, щегол? – весело спросил я, едва заметно переступил ногами в богатых туфлях и подобрался к этому шустриле поближе. Интересно, когда же до него допрет, что товарищ полковник – просто ряженный?

Доперло, и даже раньше, чем я ожидал. Глазенки у парня округлились в удивлении, и рука тут же нырнула дальше, к кобуре...

Молодец, честное слово, молодец и умница, один на всю эту потную ораву. А если умница, то все должен понять правильно. Потом, когда очухается и как следует проблюется. Умным полагается бонус, и он его получил. Я не стал убивать этого парня, хотя очень даже мог это сделать. Просто вырубил, подхватил падающее тело и со словами: «Нажрутся, блин, с утра пораньше», – заботливо прислонил к забору. Он съехал по нему на землю, скорчился и затих.

Глава 4

Инструктор по прозвищу мастер

Еще один скучный до занудливости день в офисе.

– Как говорится, лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать и не поверить, – с усмешкой произнес я, обращаясь к стоящим перед рингом десяти парням.

Они тоже, в свою очередь, весело поглядывали в мою сторону, перемигивались и сдержанно хихикали. Сильные, смелые, очень уверенные в себе. Все, как один, выше и шире меня. Ко всему прочему, лет на десять помоложе.

– Начнем, пожалуй, с вас. – Я указал на стоящего на правом фланге, самого крупного из этих организмов. – Попрошу на ринг.

– Не вопрос, – радостно ответил он, вышел из строя и ловко пролез между вторым и третьим канатами. Спросил деловито: – Какие ограничения?

– Никаких, – любезно ответил я. – Делайте со мной все, что душа пожелает.

– Как скажешь, – радостно улыбнулся он, шагнул вперед и тут же нанес удар ногой, целя мне прямо в челюсть. Почти на голову выше противника, то есть меня, и килограммов на двадцать тяжелее, он ни секунды не сомневался в грядущей победе.

Знакомая до боли картина: крупный парень, наглый, сильный и достаточно резкий. Король двора, школы и окрестностей. Что еще? Секция карате, потом армия, что-нибудь вроде морской пехоты или ВДВ, скорее все-таки ВДВ.

Не попал, зарычал, подпрыгнул козликом и снова ударил. А вот это уже напрасно, прыгать надо в спортзале на батуте, а не в бою. Я разорвал дистанцию и встретил его в момент приземления. Он рухнул на настил, так и не поняв, что же такое с ним произошло.

– Убрать, – скомандовал я. – Положите на маты, пусть чуток отдохнет.

– Что с ним? – удивленно спросил широкий, как шкаф, стриженный под штатовского морпеха парень.

– Ничего страшного, – любезно ответил я. – Просто задремал. Скоро проснется, – пома-нил его рукой. – Теперь вы.

А вот с ним стоит быть поосторожнее, такой может просто задавить массой, а приме-нять что-нибудь, по-настоящему убойное, я не могу. Сейчас я, пожалуй, его немного удивлю.

Получилось, парень, можно сказать, сам вбежал в болевой прием и скорбно покинул ринг, с удивлением глядя на собственную ноющую от боли левую руку, толщиной чуть ли не с фонарный столб.

Дальше дело пошло быстрее, остальных я вызывал на ринг по двое и немного оби-жал. Вернее, не обижал, а просто лишал иллюзий относительно собственной крутости. Это полезно.

Когда-то нечто подобное произошло и со мной.

– На ринг, чайник, – хриплым, как с похмелья, голосом скомандовал невысокий, лысо-ватый мужик лет сорока.

– Чайник? – К тому времени всего-навсего чемпион округа и призер «вооруженки» по рукопашному бою, я удивленно посмотрел на этого недомерка. – Ну-ну, – быстренько пронырнул между канатами. – Ограничения?..

Все тогда закончилось для меня грустно и очень быстро. Более-менее придя в себя, я понял, что инструктор все-таки оказался прав и больше, чем на чайника, я не тяну. Понял и начал учиться. И эти поймут, кто поймет.

Завтра я покажу им, как надо стрелять, работать ножом и еще что-нибудь. Вот тут-то они придут в полный щенячий восторг. Поговорят со старшими, те им кое-что обо мне рас-

скажут. А уж после этого обращаться ко мне все они будут исключительно на «вы» и именовать не иначе как Мастером. Не скрою, это приятно, хотя и небезопасно.

Для того чтобы не отлетать слишком далеко от грешной земли и не очень-то задирать нос, мне приходится время от времени созваниваться с одним обезжиренным человеком по фамилии Лопатин, заезжать в скромный зальчик на Академической и отрабатывать с ним пару-тройку раундов в режиме неполного контакта, потому что работать в полный контакт с этим моим приятелем я никому не советую. Попрыгаю с ним по рингу, посижу на пятой точке, может быть, даже немного поваляюсь на настиле и сразу же все вспомню. Прежде всего то, что никакой я, к черту, не мастер и, если честно, никогда им и не был. В недавнем прошлом я действительно был достаточно приличным бойцом, мне иногда даже кажется, что вдвоем с моим бывшим напарником, коллегой, мы все же смогли бы уработать Володю. А может, и не смогли бы, потому что он действительно с самой большой буквы Мастер, хотя сам это старательно отрицает.

После всех этих унижений мы идем в баню, и я угощаю собравшихся самым лучшим чаем, который смог приобрести. А они, сволочи, за это надо мной издеваются.

– Гигант! – восхищенно восклицает один старый хрен и закатывает глазки. – А ну-ка, согни ручку. Красота! А теперь покажи спинку. Блеск! – и ржет как кобыла Буденного.

Этот дед давно уже не тренируется, просто приходит в зал и неторопливо прогуливается. С двухпудовыми гирями. Гуляет себе, глазают по сторонам и между делом их поднимает. Гуляет и поднимает, поднимает и гуляет.

– А шея, – обязательно подхватывает второй старый головорез. Тот в отличие от первого иногда еще даже прыгает по рингу в стареньком спортивном костюме с четырьмя ностальгическими буквами на спине. – Нет, ты глянь, какая у него шея, – кладет на нее хилую ручонку и слегка сдавливает, перекрывая кислород.

– Может, уже хватит? – жалобно ною я. – Честное слово, достали.

– Не рыдай, – сурово отвечают мне. – Стал красавцем, так терпи.

Три года назад вертолет, в котором я находился, вдруг взял да навернулся о землю. Меня как следует поломало, настолько, что врачебная комиссия без колебаний признала майора Ильина Н.К. абсолютно негодным к дальнейшей службе в рядах непобедимой Российской армии. Полгода я отвалился по госпиталям да больницам, потом выписался оттуда и заковылял по жизни, приволакивая обе ноги сразу и мучаясь бессонницей от болей в спине. Меня тогда здорово выручил друг Володи Лопатина, Саня Котов. Этот пройдоха каким-то образом умудрился, минуя все очереди, протолкнуть меня к известному на Москве доктору Львову. После второго сеанса боль стала отступать, после четвертого я заснул в десять вечера в субботу и проснулся в пять утра в понедельник. Еще через месяц боли прекратились. Совсем.

– Неплохо, признаться, даже и не ожидал, – заметил Сергей Иванович в нашу тогда последнюю встречу и вдруг ткнул меня пальцем в живот.

– Ой.

– То-то и оно, что «ой»... – сурово молвил доктор. – Вам надо хорошенько закачать пресс, – и добавил: – А заодно и спину.

– Сделаем, доктор.

– Ну, так идите и делайте. – Как любой выздоровевший любому врачу, я был ему уже совершенно неинтересен. – Котову привет.

Свободного времени тогда у меня было навалом, поэтому я целый год не вылезал из спортзала. Как следует отработал собственный живот, спину, а заодно и все остальное: руки, ноги, шею, крылья и хвост. Через год я стал передвигаться по жизни походкой пингвина и протискиваться в дверь исключительно боком. Потом опомнился и принялся сушиться. В итоге здорово похудел и заделался рельефным как уши у культуриста, но все равно раза

в полтора шире, чем был раньше. С тех самых пор ловлю на себе восхищенные взгляды бальзаковского возраста дам, когда гордо шествую по пляжу в сторону водоема и обратно.

Только ерунда все это. Тот самый трехлетней давности я, совершенно обычный с виду, сухощавый мужичок, если что, без проблем уделал бы того качка, в которого я превратился. Ни секунды в этом не сомневаюсь и вам не советую.

Глава 5

Мент

Я отворил дверь в кабинет, тихонько по стеночке добрался до своего стола, рухнул на стул, скособочился и застыл.

– Ты как, Сергуня?.. – весело спросил распивавший чай с девочками из следственного отдела Миша. – Живой?

– Порядок, – неубедительно соврал я, – не дождешься.

Действительно, соврал, в моем многострадальном желудке полыхал самый настоящий пожар, кружилась голова, постоянно накатывала тошнота. Раз за разом приходилось через силу поднимать себя на вялые, дрожащие ноги и посещать сортир в конце коридора, где меня буквально выворачивало наизнанку.

– Больно? – снова спросил с большой надеждой в голосе он. Ему так хотелось, чтобы я страдал, а еще лучше, взял да и помер.

Накануне моего перевода в убойный отдел в нем освободилась должность старшего опера, и единственным, по мнению начальника отдела и всего остального руководства, достойным кандидатом на нее был Мишаня. На него написали представление, и, как поговаривают, Лоскутов даже успел договориться в кафе за углом насчет организации скромного банкета на двадцать персон по этому поводу. А тут, незнамо откуда и зачем, нарисовался я и перебежал, сам того не желая, дорогу. Вот этого он никак не мог мне простить. Только кажется, что обычного и старшего опера разделяет всего-навсего одна должностная ступенька и пара сотен рублей должностного оклада. На самом деле старший опер – должность серьезная и абы кому с улицы на нее не пробиться. А еще это трамплин. Старшой из управы при случае очень даже может занять хлебную должность начальника службы криминальной милиции районного отдела. Карать и миловать, определять судьбы, решать вопросы, регулярно принимать законную дань в мозолистую руку. А еще с нее можно очень хорошо уйти в вышестоящую организацию и уже оттуда руководить и направлять.

Мишаня только-только собрался вступить на эту лестницу, ведущую к счастью и процветанию, как заявился я.

– Представьте. – Он радостно рассмеялся. – Картина маслом: лежит наш Сергуня как последний лох, под забором, ножки поджал. Хорошо еще, что ксиву со стволом не сперли, а могли бы.

Аллочка, пухлая аппетитная блондинка, звонко рассмеялась, она, видимо, представила себе эту самую картину, и девушке стало весело. Заложила ногу за ногу и сделала вид, что поправляет куцую форменную юбочку.

– А пока он там валялся, – тряхнув челкой, вступила в разговор еще одна юная следачка, – ты, Мишаня, небось крутил злодею руки и бил мордой об забор? Какой же ты все-таки орел, – поднялась со стула, в несколько длиннющих шагов пересекла кабинет и включила чайник. – Серега, чайку выпьешь?

– Попробую, – поколебавшись, ответил я. – Покрепче и без сахара.

Лоскутов обиженно засопел, но смолчал. Наташа, почти двухметрового роста, лошадиной внешности девица, всегда говорит исключительно то, что думает, причем всем, невзирая на чины и должности. И без каких-либо для себя последствий: папа у девушки числится не последним человеком в Следственном комитете страны, а сама она дорабатывает в управе последние месяцы, перед тем как с песнями перейти туда же под крылышко к родителю или кому-нибудь из друзей родителя.

Забросила в большую синюю кружку пару пакетиков с заваркой, залила их кипятком и поставила на стол. Тяжко вздохнула.

– Уходил бы ты отсюда, Серега, – придвинула ко мне емкость. – Съедят ведь.

– Подавятся, – хмуро ответил я и посмотрел на Мишаню. Тот криво усмехнулся и покачал головой. Видимо, он так не думал.

Сделал глоток из кружки и тут же из глубины желудка рванулся к горлу соленый ком. Несколько раз сглотнул и все-таки удержал его внутри себя, чем не доставил товарищу по службе ожидаемого удовольствия. Посидел немного и сделал еще глоток, потом еще один и еще. Чай прижился, стало легче настолько, что даже захотелось курить. Я достал из ящика стола сигареты, встал на ноги и двинулся из кабинета.

– Пожалуй, схожу, подымлю за компанию, – заявила наша правдорубка.

– Ну, тогда и я, – вскинулась было Аллочка.

– А ты побудешь здесь, – отрезала та, хохотушка, любимица коллектива нахмурилась, но осталась на месте.

Я угостил даму огоньком и прикурил сам. От первой же затяжки меня повело, пришлось опереться на стену.

– Круто он тебя, – заметила девушка, глядя на меня очень сверху и сразу вниз.

– Да уж, – честно признал я.

– Чем ударил-то, оглоблей?

– Не поверишь, пальцем.

– Это как?

– Да так... – Тот самый ряженный действительно просто ткнул меня куда надо своим железным пальчиком. Спасибо, что не пришиб насмерть. Хотя он этого делать, уверен, вовсе не собирался. Просто весело и непринужденно показал мне, кто есть кто отныне и навсегда.

– Слышь, Серега, а ведь я серьезно. – Наташа нахмурилась. – Переводись отсюда, к чертовой матери, и поскорее. Ты здесь совсем чужой.

– Сам об этом каждый день думаю, – признался я. – Вот только...

Договорить нам не дали, дверь нашего кабинета растворилась, и в проеме появилась озабоченная физиономия Мишани.

– Луценко, к шефу, – и важно добавил: – Срочно.

– Уже в пути. – Видимо, Гена только что вернулся от начальства и горел желанием поделиться со мной обретенной там лаской и ценными подарками.

Я забросил окурочку в урну, кивнул Наташе (та меня перекрестила) и походкой обреченного направился через коридор в кабинет Мякишева. На суд и расправу. От грядущей встречи с дорогим начальником ничего хорошего ждать не следовало, наоборот, стоило готовиться к худшему, например, к назначению персонально ответственным за срыв операции или еще чего-нибудь в этом роде.

Как выяснилось позже, предчувствия меня обманули. Все оказалось гораздо хуже.

Глава 6

Убийца

Представители моей нынешней, да и предыдущей профессии не имеют пошлой привычки сильно задерживаться на этом свете. Раньше я, правда, исполнял приказы руководства и жил, вернее существовал, на довольно-таки скромное денежное содержание офицера Российских вооруженных сил. Знали бы вы, что нам довелось натворить на планете Земля с моим коллегой и напарником! Только не узнаете, наши скромные дела, уверен, рассекретят очень даже нескоро. Сейчас же я отрабатываю заказы и имею за это неплохую денежку. А роль руководителя при моей скромной персоне исполняет один очень милый человек, который, как я уже говорил, меня и слил.

В официальных документах таких людей называют диспетчерами. Так и хочется представить заполошного растрепанного человечка за пультом, истошно орущего в трубку что-то вроде: «Киллер Пупкин, выйти на огневой рубеж и доложить! Киллеру Хрюпкину – получить со склада взрывчатку и миномет! Находиться в часовой готовности!» На деле все обстоит несколько иначе: мой работодатель (так я его называю) получает заказ и передает его мне вместе с интересующей меня информацией и авансом, а по окончании акции выплачивает мне основную сумму. Не забыв заботливо отслюнявить двадцать процентов себе любимому. Пару раз он предлагал мне помощь в разработке операции, но я каждый раз вежливо ее отклонял, потому что привык делать это самостоятельно.

Всегда понимал, что наше с ним сотрудничество не будет длиться вечно, но того, что все закрутится так стремительно, все равно, признаться, не ожидал. Три недели назад мой работодатель настоял на личной встрече и даже довольно-таки грамотно аргументировал ее необходимость. Мы пересеклись в одном тихом кафе на Варварке, немного пообщались и расстались вполне довольные друг другом. Вот только ушел я с той самой встречи не один, а с «хвостом»: двое ребят старательно довели меня до дома, во дворе я принялся оглядываться, а они поступили в лучших традициях «наружки», то есть не стали нагнеть.

Я поступил точно так же, вот только не стал экономить и нанял целую бригаду из числа отставных сотрудников знаменитой комитетской «семерки»¹, те грамотно пропасли клиента до места ночлега и после этого еще целую неделю шлялись за ним как привязанные. Почувствовал ли он наблюдение? Нет конечно, «семерка» в прошлом и не таких ухаей водила, а мастерство, как известно, не пропьешь, сколь ни старайся.

В результате той нашей встречи без галстуков ему стал известен (пусть и не полностью) только адрес специально снятой для этого дела квартиры. Я же узнал много, много больше. Деды из бывшей серьезной службы бывшей крутой конторы постарались на славу и отработали каждую копейку.

Почему он решил меня именно сдать, а просто не проплатил «десятку», а то и «пятерку» вечнозеленым какому-нибудь отставному биатлонисту? Понятия не имею и даже не хочу об этом задумываться. Просто уверен, что если бы задержание все-таки состоялось, шансов остаться в живых у меня бы не было.

Кто-нибудь из группы захвата или оперов обязательно открыл бы огонь на поражение и вряд ли промахнулся бы. Такие вот дела.

Я достал из кармана трубку, мой дорогой работодатель, или, как сейчас принято говорить, менеджер, проявился после третьего длинного гудка.

– Алло, это вы? – ударил в ухо дробный тенорок.

¹ «Семерка» – бывшее седьмое управление КГБ, в задачи которого входило наружное наблюдение.

– А кого вы ожидали услышать? – с искренним удивлением отозвался я. – Монику Левински? Вы вообще собираетесь приезжать на встречу или перенесем ее поближе к Новому году?

– Бога ради, извините, попал в пробку, буду на месте буквально через пять минут.

– Поторопитесь, – ехидно молвил я и отключился.

Помнится, в нашу первую и, как оказалось, последнюю встречу он много говорил о грядущем увеличении объема работ и навязчиво предлагал своих людей в помощь. Я отказался, сообщив, что привык работать исключительно в одиночку, и был, мягко говоря, не совсем правдив. Все свои самые удачные дела во время службы я провернул вместе с напарником, да и сейчас завел себе, пусть и временного, но помощника. Кое для кого это окажется большим сюрпризом.

Я опять взял трубку и набрал номер:

– Где он?

– На даче. Мои действия?

– По основному варианту.

– Понятно.

– Доложишь по исполнению.

– Есть, сэр! – бодро ответил он, и я нажал на красную кнопку, заканчивая разговор.

Ну, вот и все. Очень скоро я останусь без мудрого руководителя и работодателя, совсем, совсем один. Причем эта потеря меня совершенно не огорчает. Наступает время совершенно другой работы и приятных сюрпризов в графе «сумма прописью».

* * *

– Поторопитесь, – с издевкой сказал собеседник, послышались короткие гудки, разговор закончился.

Сидящий в кресле человек аккуратно положил трубку на журнальный столик, хотя очень хотелось вскочить на ноги, от души выматериться и приложить аппарат о стенку. Делать всего этого он, конечно же, не стал, потому что умел сдерживать идущие от души чувства, чем даже слегка гордился. Настоящий стратег (а он считал себя именно им) должен уметь не только манипулировать людьми, но управлять собой. И то и другое у него получалось очень даже неплохо.

Он появился в Москве в конце прошлого века, прийдя в столицу буквально из ниоткуда. Быстренько и умело легализовался, зажил под чужим именем и начал заниматься тем, чему его когда-то хорошо выучило государство, то есть думать, анализировать и делать выводы. А через некоторое время открыл собственный, достаточно специфический бизнес, не требующий регистрации в налоговых органах, но тем не менее приносящий очень неплохой доход.

Никакого шикарного офиса в стеклянной башне на какой-нибудь Космодамианской набережной, длинноногих девиц на ресепшен и лощеных менеджеров, а что самое главное – полное отсутствие бизнес-планов и квартальных отчетов. Персонал его «фирмы», мясо, как он его называл, состоял всего из нескольких незнакомых друг с другом хватких парней. А еще на него работали несколько классных специалистов в области ускоренной переправки с этого света на тот, то есть киллеров. Время от времени он проводил плановую ротацию персонала, отправляя отработанный материал в бессрочный отпуск. На пару метров под землю.

Он тихонько вздохнул, поднялся из кресла, запахнул халат и отправился на кухню варить кофе. Пить его он собрался на открытой веранде собственной скромной дачи под Сергиевым Посадом, в невзрачном с виду деревянном двухэтажном домишке посреди леса. Рядом с особняками соседей по дачному поселку он смотрелся нелепо и ни к месту, как бомж на экономическом форуме в Давосе. Как-то один из соседей запросто заглянул к нему

и предложил продать участок. По-хорошему. Пообещал даже какие-то, очень небольшие, деньги и настоятельно порекомендовал долго над предложением не раздумывать. Он особо и не раздумывал, только вот покупатель буквально через пару дней помер от естественных для России причин: его расстреляли в упор из двух автоматов. Остальные соседи оказались ребятами толковыми и больше не утомляли хозяина скромной деревяшки нескромными предложениями.

Он водрузил на поднос серебряный, сработанный еще в конце позапрошлого века кофейник, чашку с блюдцем, ложечку и сахарницу. Подумал, достал из шкафа и установил посреди этого великолепия бутылку приличного французского коньяка. Прошел на веранду, поставил поднос на столик и устроился в кресле. Налил кофе, добавил сахара и плеснул в чашку немного коньяка. Сделал первый крохотный глоток и удовлетворенно кивнул головой, постепенно успокаиваясь.

Нет, с этим киллером все получилось как-то неловко. Во-первых, его планировалось использовать еще года полтора как минимум. Специалист он был действительно классный, пожалуй, лучший из всех. Но человек из силовых органов, с кем хозяин дома много лет поддерживал тесные контакты, потребовал сдать именно его. Не «уволить», а именно сдать. Такие наступили времена, доблестная российская полиция, перестав быть милицией, начала вдруг старательно отстирывать собственные мундиры от разного рода поналипшего за годы демократии дерьма. В прессе вдруг замелькал жизнерадостный позитив о некоем РОВД, все сотрудники которого вдруг взяли да и вышли на работу в трезвом виде, да еще и поклялись не напиваться до конца рабочего дня; о доблестном гаишнике, отказавшемся от взятки аж в сто рублей; о героическом патруле...

– Передай хозяину, нам нужен киллер, – властно заявил при встрече высокий чин. Своего собеседника он считал не более чем мелкой шестеркой на побегушках и особо с ним не церемонился. Тот и не пытался протестовать.

– Какой? – робко спросил он.

– Тот, что завалил клиента на Таганке.

– Обязательно он?

– Не обсуждается, – резко ответил чин и повернулся к собеседнику спиной, тем самым давая понять, что беседа окончена.

Поначалу он было подумывал о том, чтобы подставить органам кого-нибудь из молодых, но потом еще раз разложил все по полочкам и решил, что пусть все идет как и должно идти. Тот киллер был уж слишком ловким, такие рано или поздно выходят из-под контроля и начинают работать сами на себя. На чем и горят. А потому, следуя золотому правилу стоматологов, следовало зачистить канал и намертво его запломбировать, чтобы ниточка, если что, не потянулась к тому, кто за нее дергает. А еще он занес кому надо денег и получил твердые гарантии, что душегуб живым не сдастся: снайпер и двое бойцов из группы захвата приняли гонорар и были готовы сразу же открыть огонь на поражение.

Он сделал еще пару глотков, извлек из старинной папиросницы сигаретку и с удовольствием закурил. Сощурился на солнце и улыбнулся: жизнь, что ни говори, продолжается и она по-прежнему прекрасна.

Расположившийся на дереве метрах в семидесяти от участка молодой человек имел несколько другую точку зрения по этому вопросу.

– Есть, сэр, – бодро проговорил он в трубку, закончил разговор и спрятал телефон в правый нагрудный карман.

Извлек из левого кармана патрон, поцеловал удлиненную пулю (подсмотрел это в одном лихом иностранном боевике), зарядил магазин этим самым и еще парочкой других патронов и присоединил к винтовке. Приник к оптическому прицелу.

– Ловись, рыбка, – чуть слышно проговорил он, поймав в перекрестье высокий лоб человека в кресле на веранде. Тот как раз в очередной раз поднес ко рту чашку... – большая и маленькая... – плавно спустил курок.

На этом процесс распивания кофе на свежем воздухе завершился, потому что ароматный напиток пить стало некому и лить некуда: разрывная пуля начисто снесла голову человеку в халате. Пальцы мертвой руки разжались, горячий напиток вылился на колени, но боли он уже не почувствовал.

Молодой человек спустился с дерева, аккуратно прислонил винтовку к стволу, достал из рюкзака за спиной баллончик и старательно обработал подошвы собственных кроссовок. Бросил его на землю и припустил рысцей в сторону озера. Погода стояла на удивление для поздней осени теплая, а потому стрелок решил провести остаток дня на природе: прогуляться, посидеть в свое удовольствие на солнышке, съесть шашлычок и выпить пивка.

Глава 7

Инструктор по прозвищу мастер

Людам моей биографии не всегда снятся кошмары, порой случаются картинки поприятнее: утро, залитая солнцем опушка какого-то явно нездешнего леса, ярко-зеленая мясистая листва на деревьях, напоминающий спираль Бруно кустарник, высокая влажная трава. Я выползаю из-за кустов, освобождаю штанину защитного цвета портков от вцепившихся в них колючек. Из-за вылезших на поверхность корней не по-здешнему громадного дерева появляется еще один человек. Он тоже одет в камуфляж, улыбающаяся физиономия, как у меня, раскрашена черно-зелеными полосами. В руках старенький немецкий пулемет «MG 34».

– Проблемы? – спрашивает он.

– Никаких, – бодро отвечаю я и тоже начинаю улыбаться. – А как у вас?

– Аналогично, коллега.

Это мой тезка, напарник или, как мы величаем друг друга, коллега. Насмотрелись, понимаете, мультиков, вот и прилипло. Нас потом иначе и не называли. Только что мы оторвались от погони, точнее, просто перебили ее. Те, кто выслал за нами всего-навсего пару джипов с пулеметами на крышах, совершенно не представляли, с кем имеют дело.

Нам еще предстоит пройти не меньше сотни километров по здешним красотам, но это не пугает. Мы молоды, здоровы как черти, прекрасно подготовлены и, что самое главное, мы вдвоем, а значит, победа обязательно будет за нами. Все это действительно когда-то происходило.

Я проснулся в прекрасном настроении, с улыбкой от уха до уха и с песнями начал новый день. Обожаю этот сон, вот только в последнее время он что-то не приносит мне удачи. В ночь перед тем, как вертолет, в котором я находился, попытался нарушить закон всемирного тяготения и не смог, мне тоже виделся тот самый лес и мы двое в нем.

Я выехал из двора, удачно разминулся с несущимся на всех парах «джихад-такси», пропустил пассажирский автобус и чинно вырулил на Ленинградку. Так и ехал, медленно и печально, не обращая ровно никакого внимания на сигналы разных торопыг. Не знаю, как кто, а я с годами не только набрался разумной трусости, но и научился прислушиваться к знакам, которые подает судьба. Именно поэтому я решил отменить все запланированные на сегодня спарринги. Устрою-ка я своим бандерлогам коротенькую, минут на сорок, лекцию о методах выживания, а потом поведаю об оказании первой помощи при ранениях. Что-нибудь из того, чего никогда не расскажут врачи.

За Белорусским вокзалом я притормозил и остановился, прижавшись к обочине: сидевший на скамеечке дедок бодренько вскочил на ноги и сделал знак свернутой в трубочку газетой, как гаишник – волшебной палочкой с поперечными полосками. Тяжко вздохнул, старость надо уважать. Старикан бодро заскочил в машину и, по-хозяйски расположившись на переднем сиденье, принялся деловито пристегиваться.

– Вам куда? – спросил я.

– Туда же, – ответил он и скомандовал: – Поехали уже.

– Как скажете, – снова вздохнул я и тронулся.

Искоса глянул на попутчика и хмыкнул: конспирация, конспирация и еще раз, батенька, конспирация. Фланелевая рубашка в клеточку с галстуком-самовязом, потертый клифт и старенькие, но тщательно проглаженные портки, фетровая в стиле «привет из шестидесятых» шляпа с узкими полями, орденская колодка, состоящая целиком и полностью из юбилейных наград, на левой стороне пиджака. Иннокентий Семенович, мой горячо любимый куратор, единственный и в своем роде неповторимый, прошу любить и всячески жаловать. Так сло-

жилось, ко всем отставникам моей бывшей службы в обязательном порядке прикрепляется такой вот персональный ангел-хранитель. Как посмотришь на это чудо природы, сразу же становится ясно, что моя персональная ценность в глазах руководства бывшей родной конторы исчисляется исключительно в копейках.

– Хорошая машина. – Он щелкнул пальцем по торпедо. – Не разорился?

– Дотла, – сознался я. – Приходится в свободное от работы время грабить прохожих, – и зверски оскалился.

Полтора года назад тот же Котов замолвил кому надо словечко и меня приняли инструктором в службу безопасности концерна «Русская сталь», с тех пор особо не бедствую, по крайней мере, кредит за джип «Ленд Крузер» две тысячи шестого года разлива выплачиваю исправно.

– Ну-ну, – отозвался он.

Дальше ехали молча, размышляя каждый о своем.

До колик в подмышках обожаю плановые встречи с куратором. Очень скоро мы остановимся, и он, перелистывая в голове страницы инструкции, минут пять побухтит о погоде, потом поинтересуется моим здоровьем. Обязательно спросит, как поживают детки и супруга, я в сто двадцать пятый раз отвечу, что наследников нам с женой не дал бог, а сама она поживает просто прекрасно и замечательно чувствует себя с новым супругом. Регулярно, не реже раза в полгода, звонит мне из заштатного городишки Бостон, штат Массачусетс, и с искренней радостью рассказывает, как ей здорово там без меня. Потом предупредит о вреде случайных связей и необходимости строго соблюдать правила конспирации. Обязательно поинтересуется насчет просьб и пожеланий. Единственная просьба к родной конторе, она же и пожелание, у меня, конечно же, есть: никогда больше с ним не встречаться, но я об этом не скажу, а просто от всей души поблагодарю в его лице руководство за ласку и заботу. После этого он, наконец, оставит меня в покое, вылезет из тачки и направится на метро домой, расписывать в цветах и красках отчет о проведении плановой встречи и моем поведении в ходе ее. На сей раз все пошло совсем не так.

– Притормози, – скомандовал он, когда мы въехали на Остоженку.

– Есть, товарищ маршал, – бодро ответил я, припарковался и приготовился соглашаться с тем, что погоды нынче стоят просто на загляденье.

– Значит, так. – Он снял очки и принялся протирать стекла платочком.

– Не спорю... – откликнулся я и закурил.

Куратор поморщился, но стерпел. Как-то он уже имел неосторожность указать мне на то, что не переносит табачного дыма, а я предложил выйти, к чертовой матери, из моего автомобиля, встать рядом с ним и продолжать беседу через раскрытое окошко.

– Ты, часом, не в курсе, чем сейчас занимается Коля? – вдруг спросил он, и я едва не поперхнулся дымом от удивления, потому что сразу понял, о ком идет речь.

Так получилось, что у нас с бывшим напарником, моим коллегой, одинаковые имена. Чтобы не возникало путаницы, одного из нас величали Николаем, а второго соответственно Колей. Чтобы выяснить, как и кого, пришлось бросить жребий.

– Орел! – крикнул этот везунчик и не угадал. Так он стал просто Колей.

После того что случилось со мной, он отработал одно мероприятие с новым напарником, но что-то там у них не сложилось. Сидеть за столом и перебирать бумаги тезка не захотел, а потому написал рапорт и ушел на гражданку в один год со мной. Теперь у него есть собственный куратор, и мне совершенно непонятно, за каким чертом уважаемому Иннокентию Семеновичу понадобилось совать свой длинный угреватый нос в дела совершенно постороннего для него человека.

– О ком это вы? – изумленно спросил я.

– Ты прекрасно знаешь, о ком, – сурово ответил он. – Когда вы в последний раз встречались?

– В прошлом году.

– О чем беседовали?

– Ни о чем серьезном, просто выпили немного вискаря и разбежались.

Мы действительно откушали шотландского пойла, но потом. Сначала он долго восхищался моим новым видом, шупал мышцы и восхищенно охал. А потом предложил поработать с ним в паре, как прежде.

– Не заскучал еще, супермен? – как бы между делом поинтересовался он, и я сразу понял, зачем он вдруг опять нарисовался в моей жизни.

Дело в том, что в промежутках между совместными акциями мы практически не встречались, так уж у нас сложилось, на заданиях понимали друг друга с полувзгляда, а вне работы не общались. Уж больно разные мы с коллегой люди.

– Да вроде нет... – ответил тогда я.

– Спроси: «А что?» – подсказал он.

– Черт с тобой, – вздохнул я. – А что?

– Есть работенка по прежней специальности, – немедленно ответил он. – Оплачиваемая.

– Так я вроде не бедствую. – Я действительно не бедствую, вполне доволен нынешней жизнью и меньше всего на свете хочу «не скучать».

– Как насчет нескольких миллионов «зелени»? – по-ленински сощурившись, спросил он.

– Надо собрать десять наклеек под крышечками? – с надеждой поинтересовался я. – Нет, что-то не греет.

– Напрасно. – Он все правильно понял и сразу же потерял всякий интерес к беседе. – На пару с тобой мы бы поставили этот городишко раком.

– Терпеть не могу секс по-собачьи, – помнится, ответил я. Мы выпили, снова налили, немного поболтали о том о сем и расстались. Уверен, на-долго.

Глава 8

Мент

Пока шеф читал бумаги, я мирно курил, стряхивая пепел в сувенирное керамическое изделие с изображениемдохлого ослика и надписью «Никотин убивает». Не от природной наглости, а с разрешения товарища начальника. Гена так и сказал: «Дыми, мол, здесь, Серега, не стесняйся», а сам глянул искоса. Я подыграл как по нотам, разинул рот в удивлении и вытаращил глаза, но все-таки взял себя в руки и достал сигареты.

– Вот... – Гена отложил бумаги на стол. – Именно то, что надо. Значится, так...

И я опять воспринял это как должное. Удивляться я начал и закончил еще два дня назад.

– Луценко, к шефу, – высунулся из двери и заголосил Мишаня. Еще и добавил важно: – Срочно.

– Уже в пути, – ответил я и потопал.

Остановился у дверей, постучал и вошел. Если честно, ничего хорошего от общения с дорогим руководителем я не ожидал, а, наоборот, по мере сил и возможностей готовился к самому резкому развитию событий.

– Что встал? – Гена на секунду поднял голову от бумаг. – Проходи, садись.

Я и прошел, уселся на стульчик и замер в ожидании бури. А она обязательно должна была последовать. Давать разгон подчиненным по делу и без особого к тому повода Гена любит и умеет. И каждый раз, перед тем как начать процесс, обязательно выдерживает паузу, давая возможность вызванному на ковер дозреть и начать психовать в ожидании.

– Что? – Он что-то тихо сказал, а я, занятый своими скорбными мыслями, толком не расслышал.

– Как себя чувствуешь, спрашиваю? – Он отложил в сторону бумаги и удобно устроился в навороченном офисном кресле.

– Уже лучше.

– Лучше, – передразнил он. – Ты себя в зеркале-то видел?

– Нет, – честно сознался я.

– И очень правильно сделал, – хмыкнул он. – Видок у тебя, брат...

Я промолчал, потому что говорить было нечего. Если я выглядел хотя бы вполовину от того, как себя чувствовал, мною смело можно было пугать поднадзорный контингент.

– Ловко он тебя, – продолжил Гена.

– Не то слово.

– А ведь ты оказался прав, – вдруг сказал он. – Парень-то действительно ловкий.

– Профессионал.

– Точно.

– И что мы с ним будем делать?

– Не знаю, – чистосердечно признался я.

– А я знаю. – Мякишев достал из нагрудного кармана пиджака портсигар и тоже закурил. Выпустил струю дыма и спокойненько так сказал: – Мы его возьмем, – обеспокоенно посмотрел на меня. – Серега, что с тобой?

Ничего особенного, я просто представил себе, как мы, то есть Гена, я и обязательно жирненький Мишаня, будем брать этого ловчилю, и мне опять стало очень нехорошо.

– Вот, значит, как... – обреченно проговорил я.

– А ты что думал? – взвился соколом Гена. – На нашей земле киллер пачками валит людей, а мы должны... – растер окурков в пепельнице и выхватил из портсигара еще одну сигарету. – Короче. – Он ткнул пальцем в потолок. – Поставлена задача вывернуться наизнанку, но этого урода взять. Это тебе понятно?

– Да, – лично мне понятно было только одно: таких специалистов, как этот киллер, должны разыскивать и брать исключительно специально обученные люди. Не наш это уровень. – Только...

– Приказом начальника управления, – продолжил шеф, сделав вид, что не расслышал мое робкое блеяние, – создана специальная оперативная группа, старшим назначен... – сделал паузу... – Капитан Луценко, – широко улыбнулся и протянул через стол руку: – Поздравляю, Серега.

– Спасибо, – бледно улыбнувшись, ответил я.

– В помощь тебе отряжаются Лоскутов и Султанаев...

– А его-то зачем? – вырвалось у меня.

Племянник начальника одного из управлений МВД, Вадик Султанаев, собранный, хваткий, очень целеустремленный парень. Самый никчемный и богатый опер из всех тех, кого я знаю. Вадик занимается исключительно бизнесом, а в отделе появляется через два дня на третий, а то и реже. Высоким положением родственника не кичится, одинаково высокомерен со всеми. А еще достаточно скромен в быту: у парня есть «Бентли», но на работу он ездит исключительно на старенькой (аж две тысячи восьмого года выпуска) «Субару».

– Все офицеры группы освобождаются от текучки, занимаетесь только этим киллером. Что скажешь?

– А как же Вадик? – не выдержал я. – Его тоже освободят от всех дел?

– Дался тебе этот Султанаев, – добродушно ответил Гена. – Сам знаю, толку от него...

– Если так, – взмолился я, – назначь вместо него Андреева.

Если у руководства есть любимчики, то обязательно должны быть и те, кого оно сильно не любит. Самый старый и толковый опер в управлении, Сашка Андреев, как раз и есть тот самый нелюбимчик. С него регулярно снимают стружку на совещаниях, потому что именно ему скидывают исключительно «дохлые» дела. И все равно порой у него что-то получается, правда, в этих случаях всегда выясняется, что раскрутил дело все-таки не он.

– Не дури, Серега. – Мякишев протянул руку и нажал на кнопку электрического чайника. – Сам все понимаю, но это не мое решение, – широко улыбнулся. – Черт с тобой, отряжу-ка я тебе в помощь еще одного опера.

– Кого?

– Подполковника Мякишева, знаешь такого?

– Не понял.

– А что тут понимать? – Чайник закипел, Гена плеснул в две кружки заварки (терпеть не мог чай из пакетиков), добавил кипятку. – Тебе с сахаром?

– Без.

– Держи, – протянул мне кружку. – Делу придается политическое значение, знаешь, что это такое?

– Догадываюсь.

– Это значит, что или наградят по-царски, или накажут по полной, – на всякий случай пояснил он. – Вот я и решил, что бросать тебя под танк как-то некрасиво. В общем, можешь смело на меня рассчитывать. Надеюсь, против моей кандидатуры возражений нет?

– Нет... – В отличие от всех орлов, предложенных мне в помощь, он был единственным настоящим опером.

– Вот и отлично, – он отпил чаю. – Сейчас поедешь домой, как следует проохаешься, а через два дня жду в отделе с планом работы. Понятно?

– Да.

– Иди, скажи Мише, что я приказал подбросить тебя до дома.

– Не надо, я сам.

– А твоего мнения никто не спрашивает, иди, я сказал.

Здорово, ничего не скажу, все на редкость здорово. Наверху пачкаться в этом деле не пожелали, а потому ловить киллера решили исключительно нашими силами. Отрядили в группу, мягко говоря, не самых толковых оперов, а возглавить ее поручили персонально мне, то есть тому, кем при случае пожертвовать совершенно не жалко. А если вдруг, вопреки всякой логике, у меня что-то получится, то тут же выяснится, что старший группы с поставленной задачей не справился, а потому руководство ею был вынужден принять на себя лично начальник отдела. Как-то так.

Весь первый день я действительно охал и ахал, а на второй стало полегче, и я принялся думать разные мысли: для начала, что я знаю о том самом киллере. К моему удивлению, выяснилось, что не так уж и мало.

Глава 9

Убийца

Я начал убивать людей не по приказу, а за деньги, еще в тот год, когда разбился мой коллега, а сам я еще числился в рядах богадельни, по инерции именуемой Российской армией. Как-то само собой получилось, на меня вышел один наш отставной генерал и предложил немного подзаработать, а я, к собственному удивлению, даже не стал долго раздумывать. Зарезал в ресторане какого-то покрытого татуировками дядю и быстренько утек оттуда. Через день мой наниматель торжественно вручил мне конверт с пятью тысячами американских денег и поинтересовался, не хочу ли я заработать еще.

– Хочу, хочу, очень хочу... – бодро ответил я словами из старого анекдота и тут же получил еще заказ.

Вскоре я без лишнего шума и пыли слился из рядов: с новым напарником работы не получилось, на первом же совместном задании он просто сбежал, оставив меня отдуваться за нас обоих. Самое интересное, что ему даже не было стыдно, и он искренне удивился, когда я при встрече молча заехал ему в рыло. Так что расставание с погонами я пережил без слез.

Работы по новой специальности хватало, очень скоро я напрочь забыл, что это такое, перебиваться от получки до получки, приучился обедать в дорогих ресторанах и даже приобрел себе шикарную машину, длинную, как анаконда, темно-зеленую «Тойота Камри» аж две тысячи второго года выпуска. Короче, жизнь удалась.

А потом все пошло как-то не так. Отставной генерал обнаглел и стал относиться ко мне как мент к проститутке, то есть снизил размеры гонораров и даже начал придумывать какие-то «субботники» («Это не заказ, а просьба. Человек обидел лично меня...»). Когда количество таких «личных обидчиков» дошло до трех единиц сразу, я встретился с его превосходительством и вежливо посоветовал ему впредь быть не таким обидчивым и чуть более щедрым. Он, в свою очередь, опять обиделся, причем персонально на меня. В один прекрасный день двое орлов на мотоциклах устроили за мной погоню на окраине Москвы. Я рванул за город, они – за мной. Там, на бескрайних просторах Подмосковья, все и произошло. Одному из парней повезло, он умер сразу. Второму же пришлось перед смертью немного помучиться и ответить на кое-какие вопросы. Оказывается, бравый отставник решил списать меня в расход – сдохнет, дескать, попугай, так мы другого купим.

Я, признаться, даже слегка обиделся. Целый год рвал для этого урода задницу на мальтийские кресты, трудился, можно сказать, не покладая рук и за очень небольшие деньги, а он... В общем, я нашел его. На квартире, которую этот красавец снимал на Полянке для одной малолетней шлюшки. Девушку я упаковал как посылку и запер в ванной, а вот с этим Ромео поговорил не торопясь и по душам. Узнал много нового и интересного, в том числе координаты одного серьезного человека. На него и вышел потом, объяснил, что с генералом приключилась неприятность и он отошел от дел, после чего предложил поработать со мной напрямую. Тот человек подумал и согласился. Первая же выплата меня приятно поразила, мы начали сотрудничать и распрекрасно работали сообща до того момента, пока он не решил от меня избавиться.

А в принципе-то все совершенно правильно, и виноват в произошедшем исключительно я сам – нечего было так долго оставаться в роли наемной рабочей силы. В этом бизнесе выживает и добивается успеха только тот, кто работает исключительно на самого себя. За это время я, признаться, слегка расслабился от несложных поручений и относительно неплохих денег. Настолько, что даже начал слегка хулиганить. За каким, спрашивается, чертом я поперся на ту квартиру? Ведь мог же спокойненько посмотреть все это кино издали,

ничем совершенно при этом не рискуя. Ладно, проехали и забыли. Пора собраться и приступить к настоящей работе за настоящие деньги.

Не скажу, что я особо бедствовал до сих пор, но все равно это не те суммы, которые нужны для нормальной, в моем представлении, жизни. Я достаточно поездил по миру и вдоволь насмотрелся, как живут в свое удовольствие люди. И я так же хочу, потому что заслужил. Если кто с этим не согласен, пусть поднатужится и сделает хотя бы малую часть из того, что натворили на планете Земля мы с коллегой.

Эти бабки я обязательно добуду. Мне заплатят их, но только не за работу, а за то, что я ее не выполню. Просто кто-нибудь из очень богатеньких купит у меня билетик в жизнь. Если начнет капризничать, постараюсь его в этом убедить.

Жалко, что бывший напарник и коллега оказался чистоплюем и откровенным слабаком. Вдвоем с ним мы бы много чего натворили. Что же, пусть остается тем, кем стал, живет себе, сопит в две дырочки, косит свой изюм. А я и сам справлюсь. Получу нужную мне сумму, всю, до последней копейки, и, пожалуй, съеду из страны. Поменяю обличье и начну новую жизнь с красивого чистого и белого, как горные снега, листа.

Глава 10

Инструктор по прозвищу мастер

Вытер краешком простыни пот со лба, отодвинул от себя недопитую кружку с чаем и потянулся за сигаретами. Сам обычно не курю в бане и другим не разрешаю, но после сегодняшней встречи с куратором душа постоянно требовала никотина, настолько, что я с трудом сдержался, чтобы не задымить посреди ежедневной разминки.

– А знаешь, – вдруг спросил он, – чем зарабатывает на хлеб твой напарник?

– Бывший напарник, – поправил я. – Понятия не имею, – кое-какие мысли по этому поводу у меня, конечно же, были, только не было фактов, да и не нужны мне эти факты.

– Он убивает людей! – вдруг заорал куратор. И глаза у него при этом сделались как у морского окуня глубокой заморозки.

Я приоткрыл окошко, чтобы немного выветрился дым, и демонстративно посмотрел на часы.

– Слышал, что я сказал?

– Слышал, – тихо ответил я. – И что?

– Ты что, не понял?

– Да все я понял, уважаемый Иннокентий Семенович.

– И ты так спокойно об этом говоришь? Он убивает людей!

– А кого, по-вашему, он убивал долгие годы с моей, между прочим, активной помощью? – Я опять закурил, хотя не собирался. – Дождевых червей или майских жуков?

– Тогда вы исполняли свой долг, – торжественно пробубнил он.

– У вас есть доказательства?

– Считаю, что есть.

– И кого он уложил? – лениво поинтересовался я. – Рабочих? Представителей колхозного крестьянства? А может быть, учителей начальной школы?

– Нам стало известно об убийствах, по крайней мере, трех уважаемых людей.

– Трех, – поправил я. И тут же опять спросил: – Уважаемых, значит, не очень бедных?

– И что с того?

– Да то, что у каждого из уважаемых усопших, подозреваю, была своя собственная охрана и служба безопасности?

– Конечно, была, – удивился куратор. – К чему это ты?

– А то сами не понимаете, – отмахнулся я. – Если у вас все, извините, мне пора.

– погоди. – Он вцепился двумя руками в кресло, видимо, испугался, что я начну выкидывать его из машины посреди улицы. – Что ты хочешь этим сказать?

– Да только то, что все эти люди, для того чтобы стать богатыми и уважаемыми, – заорал я в ответ, – сами покروшили кучу народа или приказывали это делать. Вот, собственно, и все.

– Значит, их теперь тоже можно убивать?

– А черт его знает. – Устыдившись собственного крика, я немного приглушил звук. – Может, и нельзя. Только все это – не мое дело. Есть полиция, ФСБ, в конце концов, у каждого, как вы сказали, уважаемого человека полно здоровенных битюгов с пушками. Пусть работают.

– Ильин, – укоризненно проговорил Иннокентий Семенович, он же куратор. – Ты, часом, не забыл, что являешься офицером резерва? – и многозначительно добавил: – Действующего резерва.

– Вы только что мне об этом напомнили, – любезно ответил я.

Кстати, в действующий резерв я попал далеко не сразу. Сначала военно-врачебная комиссия присвоила мне третью группу инвалидности. А уже потом меня пролечили по-настоящему и за немалые деньги. Это дело оплатил фонд Бацунина – есть такой достаточно небедный мужик, один из владельцев «Росмеда», в прошлом боец спецназа ГРУ. Если бы не он и не доктор Львов, фиг бы я был тем, кем стал. Валялся бы себе дома, изредка отваживаясь на рейд до ближайшего магазина. А так через год инвалидность с меня сняли и заодно на две трети уменьшили пенсию. Как говорится, спасибо, Родина, за новые протезы. Теперь хожу вот, трясу мышцей на зависть окружающим и терплю насмешки профессионалов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.